

ГРУППА
<ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА>
и общественно-
политическая
борьба
в РОССИИ

ХВАТКОЛЬСКО

«ИДУСА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

ГРУППА
<ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА>
и общественно-
политическая
борьба
в РОССИИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

„Дом Плеханова“

№ 3486

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1984

В статьях сборника раскрываются историческая обусловленность возникновения группы «Освобождение труда» на определенном этапе социально-экономического развития России и важнейшие направления воздействия ее на общественно-политическую жизнь страны. Рассматривается отношение группы «Освобождение труда» и В. И. Ленина к революционным традициям, наследию Н. Г. Чернышевского и других деятелей 60-х годов XIX в. Выясняются международные связи группы, ее отношения с «Народной волей», с идеологом революционного народничества П. Л. Лавровым.

Редакционная коллегия:

Б. С. Итенберг, В. Я. Лаверьчев, Г. И. Щетинина

Рецензенты:

В. С. Антонов, В. М. Хевролина

ор. 9747.

Г 0505020000-351
042(02)-84 43-84-IV

© Издательство «Наука»,
1984 г.

В. И. Ленин
и группа «Освобождение труда»
(отношение к «наследству 60-х годов»)

Еще на заре создания революционной марксистской партии В. И. Ленин считал актуальным, практически важным вопрос об отношении социал-демократии к революционным предшественникам¹. Цель настоящей статьи — рассмотреть отношение группы «Освобождение труда» к «наследству 60-х годов» до начала контактов с В. И. Лениным, отношение к «наследству 60-х годов» В. И. Ленина до 1895 г. и затем взаимоотношение группы «Освобождение труда» и В. И. Ленина по проблеме «наследства 60-х годов» в период «Искры» и «Зари», т. е. до вхождения группы «Освобождение труда» в РСДРП на II съезде. Из всего комплекса «наследства» мы сосредоточим внимание лишь на тех его частях, которые выделил Ленин в 1897 г., т. е. на аспектах программно-тактических, тесно связанных с идейно-политической борьбой. В данной ее постановке, комплексно, эта тема не рассматривалась².

Все члены группы «Освобождение труда» принадлежали к поколению, которое, говоря словами Н. К. Крупской, «выросло на Чернышевском»³. Хрестоматийным стало свидетельство Г. В. Плеханова о том, что нет в русской литературе художественного произведения, которое оказывало бы такое сильное идейное и практически революционное влияние на молодое поколение России, как роман Чернышевского «Что делать?»⁴: «Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее»⁵. Его дополняет рассказ Р. М. Плехановой о жизни в одной квартире с О. С. Чернышевской в 1875 г. у хозяйки «Кузьминишны», популярной среди петербургских студентов. «Сам Чернышевский был тогда в ссылке, в Вилюйске. Нам, к нашему огорчению, не удалось познакомиться с женой человека, перед которым все наше молодое поколение преклонялось. По словам Кузьминишны, она была больна, не подымалась с постели. Вход в комнату Ольги Сократовны вел через столовую. Мы видели каких-то таинственных для нас людей, которые направлялись в запретную для нас комнату, полную таинст-

венности. Впоследствии мы узнали, что эти таинственные молодые люди были русские революционеры, которые замыслили тогда великое, но неудавшееся дело — освобождение Чернышевского из места ссылки»⁶. Этот рассказ, взволнованный и уникальный по его информации, как бы реально переносит нас в эту атмосферу революционного поколения, выросшего «на Чернышевском». Она же отмечала, что тайное чтение ею «Пролога к прологу» Чернышевского произвело на нее, В. Н. Фитнер и других революционеров «потрясающее» впечатление, и называет Чернышевского «обожаемым» ими автором⁷. В 1878 г. при обыске у жены Плеханова (он сам был на нелегальном положении) была конфискована «тетрадь выписок из политической экономии Джона Стюарта Милля с примечаниями Чернышевского» и ее рукописные заметки, связанные с изучением этой книги⁸. Хотя Р. М. Плеханова формально не входила в группу «Освобождение труда», ее свидетельства об отношении к традициям эпохи Чернышевского представляют большой интерес и ценность.

Плеханов открыто выразил свою солидарность с вождем русских революционеров, сосланным в Сибирь. Так, в своей речи перед первой русской политической демонстрацией у Казанского собора 6 декабря 1876 г. он вдохновенно говорил о Чернышевском, его революционном подвиге во имя народа. В заключение Плеханов заявил: «пред всем Петербургом, пред всей Россией нашу полную солидарность с этими людьми; наше знамя — их знамя! На нем написано — земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно — да здравствует земля и воля!»⁹. Принципиально важно подчеркнуть, что уже в этой первой речи Плеханова Чернышевский был показан не одиночкой, а революционером, продолжающим целую серию выступлений «мучеников за народное дело»: «Декабристы, Петрашевцы. и все наши мученики последних лет. Они стояли и стоят за то же народное дело; я говорю народное, потому что оно начато было самим народом. Припомните Разина, Пугачева, Антона Петрова! — Всем одна участь: казнь, каторга, тюрьма»¹⁰. Здесь налицо попытка Плеханова научно осмыслить подвиг Чернышевского, определить его место в борьбе за освобождение народа, и даже его терминология — борьба за «народное дело» — любимая терминология самого Чернышевского.

Много близкого к позиции Плеханова в отношении к Чернышевскому и его соратникам находим мы и у В. И. Засулич в домарксистский период. Она констатирует, что жила в обстановке «перечитыванья» молодежью «Что

делать?» и неудовлетворенности ею реализацией вопроса «Что делать?» только на пути создания ассоциаций, хотя и понимала, что «Рахметов — революционер». «Это говорили, но смысл в такие слова вкладывали самый туманный, самый разнообразный»¹¹. Засулич рекомендовала в кружке будущих учителей Андреевского училища читать Милля с замечаниями Чернышевского и статьи Добролюбова: «Я сказала, что моя любимая статья Добролюбова „Когда же придет настоящий день“»

— А когда же он придет? — спросил один из учеников.

Я сказала, что Добролюбов думает, что при поколении, которое „вырастет в атмосфере надежд и ожиданий“

— При нас, значит, — заметил ученик, оказавшийся С. Г. Нечаевым¹².

Засулич оставила яркие воспоминания о 60-х годах: «Начало 60-х годов облекло столицы, а в особенности Петербург, в самый яркий ореол. Издали, из провинции, он представлялся лабораторией идей, центром жизни, движения, деятельности. Но, после яркого, насильственно задавленного движения начала 60-х годов, чувствовалась просто потребность в каком-нибудь проявлении движения»¹³. Засулич четко представляет себе «людей 60-х годов» как поколение, с грустью констатирует эпоху наступившего затишья к концу «60-х годов», когда «иные сошли со сцены, другие куда-то попрятались, и зеленой молодежи, подъезжавшей из провинции *после погрома* (курсив наш. — Н. Н.), не было к ним доступа»¹⁴. В ее оценках много точных свидетельств, тонких наблюдений и непосредственных переживаний. Она несла в себе не только непосредственность восприятия живой, только что ушедшей поры, но лично знала многих «людей 60-х годов» внутри России и в эмиграции. Характерно, что Плеханов, хорошо информированный о революционном прошлом Засулич, видел в ее лице именно «нового человека» (выражение Чернышевского), «женщину, для которой трудовая самостоятельность являлась основным жизненным принципом»¹⁵, что являлось частью «наследства 60-х годов».

Одним из значительных событий в становлении марксистских убеждений Засулич было ее письмо к К. Марксу, показывающее, что Чернышевский постоянно стоял перед ее мысленным взором, что она обращалась к его взглядам при решении важнейших вопросов. Так, 16 февраля 1881 г. Засулич в письме К. Марксу по вопросу о судьбах русской общины писала: «Вы знаете лучше кого бы то ни было, какое огромное значение имеет этот вопрос в России. Вы знаете, что думал о нем Чернышевский. Наша передовая

литература, как, напр[имер], „Отечественные Записки“, продолжает развивать его идеи. Но этот вопрос есть, по-моему, вопрос жизни и смерти, особенно для нашей социалистической партии»¹⁶.

П. Б. Аксельрод превосходно знал сочинения демократов, в частности публицистические, и советовал Засулич читать исторические и публицистические работы А. И. Герцена, В. Г. Белинского и Н. А. Добролюбова¹⁷. Аксельрод в Петербурге еще в 1880 г. от одного из рабочих большого завода узнал о существовании изложения Н. В. Шелгуновым работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Особенно он подчеркивал тот факт, что интеллигенция забыла эту работу Шелгунова 30-летней давности, а рабочие ее отгектографировали для широкого распространения и считали Шелгунова одним из своих учителей¹⁸. Л. Г. Дейч, очевидно, еще в гимназические годы познакомился с произведениями «просветителей», как он называл Чернышевского, Добролюбова, Писарева¹⁹. Позднее, в эмиграции, Дейч активно приобщился к «живой летописи прошлого» — к рассказам «шестидесятников» — Н. И. Жуковского, П. Л. Лаврова и других. И есть что-то глубоко символичное в том, что первую свою типографию — «наборню» (вернее, типографские принадлежности) группа «Освобождение труда» приобрела у эмигранта А. Д. Трусова, участника польского восстания, члена Русской секции I Интернационала, сторонника тех, кого «мы, молодежь 70-х годов, высоко ценили и любили», — Чернышевского, Добролюбова и их товарищей²⁰.

Член группы «Освобождение труда» В. Н. Игнатов и его брат И. Н. Игнатов «высоко ценили Чернышевского, Добролюбова, увлекались также Писаревым»²¹ еще во 2-й Московской гимназии. Будучи студентом Технологического института, а затем Медико-хирургической академии, где были особенно сильны традиции 60-х годов, В. Н. Игнатов, по-видимому, продолжил эти свои чтения, поскольку именно в конспиративной студенческой библиотеке института, где работал один из соратников Чернышевского, А. Н. Моригеровский, до 90-х годов сохранились работы «Прометей» России и даже прокламации «эпохи Чернышевского»²².

В России о Чернышевском и его соратниках до 1905 г. нельзя было писать открыто, поэтому мы не знаем до эмиграции Плеханова его значительных публичных выступлений по этим вопросам, кроме упомянутой уже речи в декабре 1876 г. и посвященной ей прокламации. Он вспоминал Чернышевского также в прокламации «К русскому обществу» среди «лучших свободомыслящих людей» России,

подчеркивая, что «русская наука несла такие потери, как потеря великого экономиста Н. Г. Чернышевского»²³.

В годы же эмиграции, изучая работы К. Маркса и Ф. Энгельса и переходя на позиции марксизма, Плеханов и созданная им в Женеве первая марксистская группа «Освобождение труда» углубили свое понимание мировоззрения, политической программы и практической борьбы Чернышевского и «шестидесятников», поскольку знакомились непосредственно с марксистскими оценками этого поколения русских революционеров²⁴. В свою очередь, оценки К. Марксом и Ф. Энгельсом идеологии и деятельности «партии Чернышевского» базировались на изучении ими в оригинале русских источников, а также на устной традиции, шедшей от соратников Чернышевского²⁵.

Все это богатое идейно-теоретическое и историографическое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса о «революционерах 60-х годов» было глубоко воспринято членами группы «Освобождение труда», спланилось с их собственными знаниями, воспринятыми от живой традиции «эпохи Чернышевского», наконец, укреплялось и конкретизировалось в ходе краткого общения с Марксом (умершим в год создания первой русской марксистской группы) и более длительного живого, непосредственного общения с Ф. Энгельсом (до 1895 г.) Подчеркнем, что группа «Освобождение труда» воспринимала уже марксистскую оценку идейно-теоретической и практической борьбы поколения революционеров эпохи Чернышевского.

Именно на это время (1883—1895 г.) падают первые — те марксистские — публичные выступления Плеханова и его группы о Чернышевском и революционерах 60-х годов. Центральное место среди этих работ первых русских марксистов о «шестидесятниках», бесспорно, занимают статьи и позже книги Плеханова о Чернышевском и его соратниках. Безвременная кончина Чернышевского 17 (29) октября 1889 г. в Саратове, студенческие волнения в Москве и других городах в связи с его похоронами послужили как бы толчком к осмыслению его жизненного и революционного подвига, к выступлению с первыми в России марксистскими трудами об эпохе Чернышевского²⁶. Еще в конце 1888 г. Плеханов задумал большую работу «Правительство и литература в России», где предполагал изложить «Мартиролог русской литературы», начиная с Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, кончая М. Л. Михайловым и Н. Г. Чернышевским²⁷. Кончина Чернышевского, очевидно, изменила эти планы, и Плеханов считал своим долгом создать фундаментальную ра-

боту о безвременно ушедшем, замученном сибирскими казематами вожде «шестидесятников», олицетворяющем «наследство». Предпринимая этот труд, Плеханов считал необходимым обратиться к современнику Чернышевского, тогда же эмигранту П. М. Лаврову, с просьбой сразу после кончины Чернышевского (в письме от 10 ноября 1889 г.) написать воспоминания, ибо «ничто не обрисовывает так личности общественного деятеля, как воспоминания о нем лиц, сталкивающихся с ним»²⁸. Признавая в письме 1881 г. к Лаврову факт идейного влияния на его мировоззрение Лаврова и Чернышевского в домарксистский период^{28а}, Плеханов все же позднее подчеркивал преобладающее воздействие именно Чернышевского: «Мое собственное умственное развитие совершилось под огромнейшим влиянием Чернышевского, разбор его взглядов был целым событием в моей литературной жизни»²⁹.

В четырех статьях Плеханова о Чернышевском действительно впервые в марксистской литературе был дан всесторонний анализ философских, экономических и политических взглядов Чернышевского — русского просветителя, философа-материалиста, социалиста-утописта, социалистические идеалы которого «яркими красками рисуются» «в снах Веры Павловны» в романе «Что делать?»³⁰. Существенным итогом серии статей Плеханова о Чернышевском (фактически книги) были удары по фальсификации «наследства 60-х годов», которую проводили реакционеры и либеральные народники, а позже — легальные марксисты и экономисты. Главное — работа Плеханова конкретно и убедительно показывала ведущую теоретико-идейную революционную роль Чернышевского для своей эпохи, доказывала его исключительную роль в подготовке условий для распространения в России идей научного социализма. Крайне важным был вывод Плеханова о том, что при учете окружающих Чернышевского условий России «удивляешься не тому, что Чернышевский отстал от Маркса и Энгельса, а тому, что он так мало отстал от них»³¹. Плеханов показал Чернышевского как мыслителя, выдающегося революционного демократа, «революционера по принципу», непримиримо борového с либералами. «Вообще Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся крайняя партия не имеют с ними ничего общего»³².

В борьбе против буржуазных либералов и народников Плеханов пользовался некоторыми положениями и доводами из идейного арсенала Чернышевского³³. Плеханов показал

в своих трудах высокий уровень философских и политических воззрений Чернышевского, установил историческую преемственную связь между ними и марксистской философской мыслью России. Плеханов оценил Чернышевского, Белинского и Герцена как предшественников марксизма в России, в полном соответствии с высокими оценками их Марксом и Энгельсом³⁴. Носители «наследства 60-х годов» подготовили идейно, теоретически почву для восприятия марксизма Плехановым и первыми русскими марксистами.

Отмечая, что великие русские революционные демократы были прежде всего страстными борцами против самодержавия и призывали народ к революции, на путях которой и может только восторжествовать человеческий идеал — социализм, Плеханов считал, что «нынешние взгляды и стремления революционеров представляют собой органический продукт истории русского революционного движения»³⁵. Вместе с тем четкой формулировки понятия «наследства 60-х годов» Плеханов не дал. Для идейной борьбы с либеральным народничеством крайне важными были аргументированные выводы Плеханова о том, что как в политической экономии, истории, так «даже в этике и литературной критике Чернышевский все-таки высказал множество таких важных мыслей, которые и до сих пор еще не усвоены во всем их объеме и не разработаны, как следует, русской литературой»³⁶. И уже совсем неприемлемы для идейных противников марксизма были выводы Плеханова о том, что «ни русские социалисты в огромнейшем числе своих фракций и направлений, ни легальная русская критика и публицистика не сделали ни шагу, буквально ни шагу вперед с тех пор, как прекратилась литературная деятельность Чернышевского»³⁷. Это был удар по народничеству и легальной публицистике всех направлений. Этот вывод, как и все статьи Плеханова о Чернышевском, был ударом и по «экономистам», провозгласившим Н. Г. Чернышевского основателем рабочего социализма в России. При этом редакция «Рабочей мысли» безуспешно пыталась опровергнуть положение о принадлежности Чернышевского к утопическому социализму³⁸.

Как бы ни были значительны недостатки этих статей Плеханова (которые рассматриваются ниже), они все же были первым фундаментальным марксистским трудом о Чернышевском. Как справедливо отмечал Ю. З. Полевой, принятая Плехановым в 80—90-х годах исследовательская «идейного наследства Чернышевского имело большое значение, так как было противопоставлено либерально-буржуазной

и народнической историографии, извращавшей и принижавшей роль великого русского революционера-демократа». Публикацию этих, в частности, статей Плеханова Полевой по праву относил к «злободневным вопросам русской жизни», которыми вплотную занималась группа «Освобождение труда». Резонанс от этой публикации был впечатляющим³⁹. 21 мая 1894 г. Ф. Энгельс писал Плеханову, обещавшему прислать ему свою книгу в немецком переводе 15 мая: «Заранее благодарю Вас за экземпляр Вашего „Чернышевского“, жду его с нетерпением»⁴⁰. К. Каутский, тогда еще марксист, также высоко оценил статьи Плеханова о Чернышевском в «Социал-демократе»: «Ваши работы буквально открывают нам новый, доселе неведомый мир». Каутский признает, что «очень многое почерпнул из каждой Вашей статьи» о Чернышевском, прося при этом от себя и от И.-Г. Дитца приложить к немецкому изданию книги биографию Чернышевского, поскольку «Дитц хочет дать книге более широкое распространение, а широкая публика в Германии знает о Чернышевском весьма мало»⁴¹. Подчеркнем, что И.-Г. Дитц — руководитель издательства Германской социал-демократической партии, очевидный инициатор издания книги Плеханова о Чернышевском на немецком языке, в начале 60-х годов XIX в. был в Петербурге наборщиком в «Современнике», лично знал Чернышевского и находился под его влиянием⁴².

Полевой уже обратил внимание на восторженное отношение к немецкому изданию книги Плеханова о Чернышевском, как первой марксистской книги, написанной русским марксистом⁴³. Ссылаясь при этом на письмо Засулич, мы вслед за Полевым подчеркнем ее вывод, что «Фридрих Карлович (Энгельс. — Н. Н.) тоже ею восторгается»⁴⁴. Засулич сообщает одновременно о критике в адрес работы Плеханова со стороны «русской публики» народнического толка. 22 июня (3 июля) 1891 г. Дейч писал В. И. Засулич из Карийска в ответ на получение сборников «Социал-демократа»: «Произведения же о Чернышевском моим сослуживцам не особенно (понравились. — Н. П.): слишком расплывчато, много повторений, размазывания, — таково их впечатление»⁴⁵. Так прозвучали, хотя и неофициально, критические нотки в адрес первого марксистского труда Плеханова о Чернышевском. Но публично марксисты не критиковали этот фундаментальный для своей эпохи труд. Напротив, товарищи Плеханова всячески поддерживали его концепцию о Чернышевском, особенно Засулич, выступившая в это время с рядом статей в «Социал-демократе». Аксельрод не

касаясь основателей «наследства» специально; он главным образом (в немецкой социал-демократической печати) говорил о действительном влиянии на рабочих перевода Н. В. Шелгуновым работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», помогающей им осознать свои задачи в духе марксизма, о гектографировании ими этой работы, увидавшей свет впервые в 1861 г. на страницах «Современника» под редакцией Чернышевского. Он сочувственно отмечал блеск и силу «революционного движения шестидесятых и семидесятых годов», их преемственность, их общий источник в индивидуальной энергии и способности «к самоотвержению небольшого числа борцов, вышедших из рядов учащейся молодежи, вообще демократической интеллигенции»⁴⁶. Подчеркнем, что буквально за два месяца до приезда В. И. Ленина в Женеву Плеханов еще дарил свою книгу о Чернышевском знакомым, что ясно из письма М. М. Ковалевского, благодарившего его 23 февраля 1895 г. «за присылку... Вашей интереснейшей монографии о Чернышевском»⁴⁷. Во всяком случае этот отклик на присылку книги и на ее содержание показывает, что в 1895 г. Ленин «застал» Плеханова в момент его непосредственного еще вращения в круге идейной борьбы за «наследство» эпохи Чернышевского.

Новый этап в жизни группы «Освобождение труда» наступил с 1895 г. Этот рубеж в первую очередь связан с началом нового, пролетарского этапа русского революционного движения, с деятельностью ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и установлением первых личных контактов с В. И. Лениным. Все эти факторы самым непосредственным образом наложили отпечаток на деятельность группы «Освобождение труда».

Первая встреча Ленина с Плехановым и его соратниками по группе «Освобождение труда» (Аксельродом и Засулич) прошла в Женеве и Цюрихе весной—летом 1895 г. Р. М. Плеханова в воспоминаниях привела письмо Плеханова из Цюриха: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди»⁴⁸. Настроение уныния и безнадежности, которое иногда охватывало Плеханова в его вынужденной эмиграции, сменилось ощущением реального дела, сознания результативности многолетних усилий и жертв, большим душевно-эмоциональным подъемом⁴⁹.

Ленин явился к Плеханову, уже будучи автором не дошедшего до нас письма к Чернышевскому (1888 г.) и своих первых марксистских работ, в частности нелегального труда

«Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», где известное внимание было уделено Чернышевскому и его отношению к крестьянской реформе. Эти проблемы тоже могли быть затронуты в переговорах Ленина и членов группы «Освобождение труда», поскольку являлись актуальными для идейной борьбы с либеральным народничеством.

После своего первого ареста в 1887 г. Ленин, как он сам признавал, «больше всего . читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах „Современник“, „Отечественные записки“ . Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в „Современнике“ я прочитал до последней строчки и не один раз. Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса»⁵⁰ Мы видим, что и у Ленина чтение Чернышевского было подготовительным этапом в восприятии марксизма.

При всей ограниченности круга печатных источников об эпохе Чернышевского, которые были доступны Ленину к моменту его отъезда в Петербург, в первых его работах появляется имя Чернышевского (в прямой или иносказательной форме) как идеолога и вождя революционеров его эпохи, основателя революционного «наследства».

Почти за год до встречи с Плехановым, летом 1894 г. в первой своей крупной работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Ленин вступился за «идеалы отцов», в частности Герцена и Чернышевского, и дал свое определение идеалов «первых русских социалистов». Решительно выступив против исключительных претензий либеральных народников на хранение традиций «тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей завало в России теории и учения Герцена, Чернышевского», Ленин защищал подлинные идеалы «первых русских социалистов, социалистов той эпохи», «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом». *«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции, — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством».* «И вы, — заявлял он своим противникам, — не сможете упрекнуть социал-демократов в том, чтобы они не умели ценить громадной исторической

заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти»⁵¹. В отличие от народника С. Н. Кривенко Ленин точно цитирует слова К. Маркса о его уважении к «великому русскому ученому и критику» Чернышевскому и считает, что судьбу исторического пути России можно решить только разбором «русских данных, которые одни только и могут решить вопрос»⁵².

М. В. Нечкина справедливо обратила внимание на данную в этой же работе⁵³ ленинскую формулировку — «эпоха Чернышевского» как «пора общественного развития» с определенными чертами, формулировку, которой мы часто пользуемся, не всегда отчетливо осознавая принципиальный смысл того факта, что Ленин поставил Чернышевского в центр эпохи, его именем назвал неповторимую эпоху первого демократического подъема в русской жизни.

Упоминание Лениным «Писем без адреса» Чернышевского при цитировании статьи Плеханова в «Социал-демократе»⁵⁴ «Н. Г. Чернышевский», на наш взгляд, является показателем того, что он к 1894 г. был знаком с важнейшим программным революционным документом Чернышевского, привлечшим пристальное внимание К. Маркса⁵⁵ Ленин подчеркнул тут же, что Чернышевский не был в состоянии «открыто заявлять свои мнения, он молчал, а обиняками чисто революционные идеи он умел излагать в подцензурной печати. В нелегальных своих произведениях он писал то же самое, но только без обиняков»⁵⁶. Важно, что Ленин говорил о «нелегальных произведениях» Чернышевского во множественном числе, имея в виду, очевидно, не только «Пролог», и, вероятно, знал их содержание, поскольку он дает их принципиальную оценку.

Особенно ценен вывод Ленина о том, что в «Прологе прологу» «Волгин (в уста которого Чернышевский вкладывает свои мысли)» выступает как выразитель гениальности Чернышевского в оценке крестьянской реформы. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер. — чтобы понимать, что уже тогда в русском „обществе“ и „государстве“ царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»⁵⁷

Делая итоговый вывод о реальной позиции Чернышевского в эпоху подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. и о его «гениальных провидениях», Ленин писал: «Чернышевский понимал, что русское крепостниче-

ско-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести „мерзость“, жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий с головой помещикам. *И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы (курсив наш. — Н. Н.) классов»*⁵⁸. И хотя в 1894 г. Ленин считал, что «гениальные провидения Чернышевского стали фактом» и «30-летняя история беспощадно опровергла всяческие экономические и политические иллюзии», «отношение к реформе», по мнению Ленина, остается показателем классовой выдержанности тех или иных общественных сил. Пример позиции Чернышевского и его «гениальных провидений» должен был помочь разоблачению мнимых «друзей народа», которые «глубоко обуржуазились. Эти господа ничему не научились, а забыли они очень и очень многое»⁵⁹. Поэтому Ленин напоминал о Чернышевском, его гениальном анализе реформы, правильность которого доказана временем, о его борьбе с либерализмом, предающим интересы народа, о вере Чернышевского в спасительность дороги «открытой борьбы классов», с. революции. Эти выводы об общественно-политическом наследстве Чернышевского были основательными, глубокими.

После первого знакомства в мае 1895 г. длительных бесед и переговоров Ленина с членами группы «Освобождение труда» (Плехановым, Аксельродом и Засулич) были достигнуты доверительные отношения. Об этом свидетельствует рекомендательное письмо Плеханова к В. Либкнехту от 2(14) сентября 1895 г.: «Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию вот почему необходимо, чтобы о его посещении Шарлоттенбурга никому не было известно. Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас деле. Я уверен, что Вы сделаете все, от Вас зависящее. Он сообщит Вам также новости о нас»⁶⁰. По признанию Р. М. Плехановой после этой встречи «работать стал Георгий Валентинович с удвоенной энергией. За период от весны 1895 г. до выхода 4-го № „Искры“ Георгий Валентинович написал много ценных работ»⁶¹. Настроение подъема испытывали и Засулич, Аксельрод

К этому времени в творческой деятельности В. И. Засулич все большее место стали занимать и проблемы защиты

«наследства 60-х годов». Еще в 1890 г., в «Социал-демократе» № 3, она взяла под защиту Н. А. Добролюбова в полемике с Н. К. Михайловским об «интеллигенции»: «В качестве общественной теории, объединявшей и направлявшей когда-то движение нашей оппозиционной интеллигенции, народничество умерло окончательно и бесповоротно. Но *le mort saisit le vif* (мертвый хватает живого. — *Ред.*). Оно мешает и будет еще мешать развитию новых теорий, новой программы, нового движения»⁶². Она проницательно высмеивала либерально-народническую «Неделю» за обвинения Добролюбова в «круглом невежестве» и в «нейнтересности» его якобы «незрелых мыслей». Она выражала убеждение, что современный «оппозиционный юноша» пожелает «перечитать Добролюбова. Ведь слышал же он, что, каковы бы там ни были мысли Добролюбова, они вызвали в читателях такой громадный интерес, какого никогда не дожидаться мыслям „Недели“»⁶³. В советской литературе справедливо отмечались неоднократные «скрещения» и параллели «литературных и публицистических интересов» Плеханова и Засулич: «В первую очередь это относится к революционным демократам: Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, Писареву. Литературная деятельность Засулич близка Плеханову по общей направленности и идейно-методологическим установкам. Это боевые отклики на злобу дня, острая и яростная полемика с идеологическими противниками, пропаганда марксистского мировоззрения, марксистских взглядов на ход исторического развития России»⁶⁴.

Примером такого актуального выступления была статья Засулич «Крепостная подкладка „прогрессивных“ речей», опубликованная в легальном «Новом слове» в июне 1897 г. Избрав для анализа повесть писателя-шестидесятника В. А. Слепцова «Трудное время», Засулич сконцентрировала внимание на глубоком смысле повести, осветившей художественно, ярко действительность начала 60-х годов, и дала бой современным либералам. Она сделала убедительный вывод о том, что в повести, напечатанной в 1865 г. о событиях начала 60-х годов, «есть что-то более современное, чем в повестях и романах, наполняющих книжки журналов за 1897 год»⁶⁵. Засулич раскрыла революционный смысл повести, классовую основу «нравственных мотивов», показала перспективу вовлечения женщин в освободительное движение.

Неудивительно, что в числе материалов, повлекших в конце концов закрытие марксистского «Нового слова», фигурировала и эта статья. Цензор усмотрел в ней «отрица-

тельное и прощительное отношение дворянству и его просветительной роли»⁶⁶.

Особо значительной в доискровский период была критическая статья Засулич «Плохая выдумка», в которой она поистине «расправилась» с П. Д. Боборыкиным, «набоборыкавшим» свой роман «По-другому». Она назвала роман клеветой на русских марксистов, поддержанной либерально-народнической печатью⁶⁷. На этот выпад против так называемых «учеников», т. е. русских марксистов, Засулич отвечает вдумчиво, с достоинством и иронией. Ей удалось выявить поразительное сходство критики «свистунов» начала 60-х годов (т. е. сотрудников добролюбовского «Свистка») реакционным публицистом 60-х годов Громекой и «учеников» народниками. «У наших „свистунов“ нет сердца... они никого не любят» — эти старые обвинения Громеки в адрес Добролюбова очень напоминают современные обвинения в романе Боборыкина в адрес «учеников» — обвинения в забвении традиций, в грубости, бестактности, наконец, в безнравственности». Прием Засулич не был абсолютно новым; так поступала вся марксистская публицистика⁶⁸; но ей удалось сделать это очень метко, очень действенно. Плеханов рекомендовал «разбор» этой «карикуры» на марксизм, сделанный Засулич⁶⁹.

Находившийся в ссылке Ленин высоко оценил статью Засулич. Он прямо назвал ее «замечания» прекрасными. В своей легальной статье, написанной в Сибири, «От какого наследства мы отказываемся?»* он оперировал в основном той же пробившейся в печать образно-эзоповской терминологией, констатируя, что чем «дальше развивали свои воззрения... „ученики“», тем более о них «предпочитают не говорить». «Но зато, — подчеркивал Ленин, — тем больше сочинялось выдумок, долженствующих дискредитировать новое направление. К числу таких выдумок, „плохих выдумок“, относится и эта ходячая фраза об „отказе русских учеников от наследства“»⁷⁰. По мнению Ленина, Засулич удалось изобличить непонимание Боборыкиным «спора народников с „учениками“»⁷¹.

Наконец, в доискровский период Засулич написала статью и о Д. И. Писареве⁷², которую Ленин считал превосходной⁷³. Центральной идеей этой статьи было отстаивание исторической роли фаланги «шестидесятников» вопреки мнению реакционных и либеральных критиков, стремившихся

* Обращаем внимание на терминологию легальных работ о революционных операциях 60-х и 90-х годов, поскольку игнорирование этого нюанса иногда приводит к недоразумениям в современных оценках.

доказать, что никакого широкого революционного движения в 60-х годах не было, а были лишь споры в замкнутой сфере морально-этических категорий. Под их пером даже Добролюбов выступал в русле одного «общелиберального» течения наряду с И. С. Тургеневым как проповедник всеобщего умиротворения и «среднего образа мыслей», как постепеновец, а Писарев был представлен «легкомысленным шалунном», выпадающим из числа серьезных мыслителей. Подоплекой этого искажения прошлого, по мнению Засулич, являлись попытки читать нотации настоящему.

Засулич раскрывает взгляды революционных демократов целно, последовательно, в их развитии, подчеркивает их возрастающую революционность. Крайне ценно ее указание на зависимость этих воззрений от конкретно-исторических условий их рождения и развития. Правомерно выделение ею главного в деятельности Писарева: «Разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях; вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать». Именно по этой ведущей идее Засулич сближает Писарева с его учителем Чернышевским и с Добролюбовым, несмотря на существенные различия в их взглядах. Вместе с тем она отмечает отличие обстановки, в которой действовали Чернышевский и Добролюбов, от обстановки, в которой действовал Писарев. Подъем конца 50-х—начала 60-х годов сменился реакцией. Уже в советской литературе замечено, что точка зрения на Писарева у Засулич совпадает с позицией Шелгунова, знать которой она даже не могла (речь шла о его статье, похороненной в недрах цензуры): «Добролюбов пишет иногда, точно пришла пора действовать; Писарев знает, что действовать нечего, и потому популяризирует»⁷⁴.

Засулич показывает отличия ответа Писарева на вопрос «Что делать?», но неизменно подчеркивает революционный характер его просветительства, огромное революционизирующее значение его деятельности в период реакции и накопления новых сил. Защищала Засулич (и весьма убедительно) и морально-этические взгляды Писарева, следовавшего здесь за своим учителем Чернышевским и идеалами его романа «Что делать?». Обосновывая конкретно-исторически «утилитаризм» Писарева его отрицанием «искусства для искусства», Засулич не оправдывала его крайности, его наивно идеалистические просветительские иллюзии. Ее защита революционного просветительства показала, что Писарев неизмеримо выше либеральных народников 80—90-х годов, обливавших его грязью⁷⁵.

Наряду с этими несомненными достижениями в борьбе с народничеством против искажения сути «наследства 60-х годов», Засулич в доискровский период обнаружила, как справедливо отмечается в советской литературе, некоторую узость и односторонность взглядов. Она не смогла, как это сделал В. И. Ленин, решая тот же вопрос о «наследстве 60-х годов», отделить его от романтических и мелкобуржуазных народнических прибавок. Ей не удалось показать, как это смог Ленин, решительное отступление либеральных народников даже от чисто общедемократической программы 60-х годов⁷⁶. В советской литературе, на наш взгляд, совершенно правильно замечено, что Засулич «прошла мимо особой идейной позиции Шелгунова». Частные моменты «полюмики помешали Засулич оценить общественно-значительную деятельность выдающегося представителя демократического направления, каким был Шелгунов»⁷⁷.

Засулич, действительно, совсем не услышала бодрого голоса «шестидесятника» Шелгунова, защищавшего идеалы эпохи Чернышевского, боровшегося с индифферентизмом и теорией «малых дел», с толстовством и горячо верившего в приход на смену «восьмидесятникам» нового, способного на подвиги человека, который «еще не начал жить и которого мы увидим в девяностых годах». Этот, действительно, верный своим идеалам «шестидесятник», умерший в 1891 г., был понят рабочими России, бестужевками (в том числе Ольгой Ульяновой, Надеждой Крупской), Лениным, а Засулич не признала его как носителя и защитника идеалов и традиций эпохи Чернышевского, эпохи «отцов». Подчеркнем, что эта некоторая узость и односторонность взгляда на «наследство 60-х годов» (как и недостаточная информированность) была свойственна отчасти Плеханову. В этом смысле внимание Аксельрода к изложению Шелгуновым работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», отмеченные им высокая оценка рабочими России вклада Шелгунова в их политическое просвещение, их адреса умирающему Шелгунову и участие в его похоронах в 1891 г. являются исключением.

Известно, что Плеханов высоко ценил общественные и литературные взгляды русских революционных демократов. Он создал интересные и глубокие работы о взглядах Герцена, Белинского и Чернышевского, подчеркивая их национальный колорит⁷⁸. Вместе с тем в советской литературе уже отмечали такой недостаток труда Плеханова о Чернышевском, как недооценка им задачи выяснения исторических особенностей русского утопического социализма, отличий

его от западного утопического социализма, противоречивость оценке отношения Чернышевского к западноевропейской философии. С одной стороны, преувеличивалось влияние западноевропейских утопических учений Фурье, Сеп-Симона, Оуэна, с другой — при подчеркивании самобытности, в частности Чернышевского и его критического отношения к западноевропейской философии, недооценивалась самобытность русской философской мысли Чернышевского и его эпохи⁷⁹.

В советской литературе отмечалось, что в 90-е годы Плеханов не раз обращался к оценке мировоззрения и деятельности Герцена, высоко ценил Герцена как мыслителя и революционера, подчеркивая, что «все его симпатии были именно на стороне народа»⁸⁰. Герцен, по мнению Плеханова, пытался встать на точку зрения происходящей классовой борьбы, и это сближало его с последователями современного научного социализма⁸¹. Плеханов был убежден, что в истории русской общественной мысли Герцен всегда будет занимать одно из самых первых мест. «И не только русской; когда будет, наконец, написана критическая история международной социалистической мысли, Герцен явится в ней как один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться „из утопии наукой“»⁸².

Отстаивая идейное наследие революционных демократов, Плеханов и его группа в то же время допускали некоторые ошибки в характеристике революционных устремлений русских мыслителей. Они не сосредоточивали внимание на том, что сближало социал-демократов с революционными демократами. Плеханов не делал акцента на том, чем отличаются революционные демократы от социал-демократов, с одной стороны, и от либеральных демократов — с другой. Плеханов преувеличивал влияние западноевропейской мысли на мировоззрение Белинского, Герцена, Чернышевского. Считая их прежде всего хорошими учениками западноевропейских философов и социалистов-утопистов, Плеханов недостаточно выявлял их самобытность, их вклад, подчеркивая главным образом отсталость исторических условий их жизни⁸³. Ошибкой Плеханова являлось также то, что в революционных демократах он видел не сторонников идеологии крестьянства, а идеологов разночинной интеллигенции. По убеждению Плеханова, революционные демократы основные надежды возлагали именно на разночинную интеллигенцию, к ней обращались, ее воспитывали, просвещали. Так, Чернышевскому Плеханов приписал свои собственные взгляды

на крестьянство
действия⁸⁴.

способный ра, льные

После первой встречи с членами группы «Освобождение труда» в 1895 г. и возвращения в Россию В. И. Ленин неоднократно обращался к проблемам защиты «наследства 60-х годов». Это видно и по его работам и по переписке с родными и товарищами из Сибири. Он продолжает развивать, конкретизировать свою позицию о «наследстве» в спорах с либеральными народниками и «экономистами».

В 1897 г. Ленин вспоминает Чернышевского и его «наследство», критикуя народника С. Н. Южакова за его «абсурд», против которого писал «и даже наш русский великий утопист»⁸⁵. Фигура Чернышевского как ведущего представителя «наследства», которое должны принять «ученики» (русские марксисты), стоит, по существу, в центре работы Ленина «От какого наследства мы отказываемся?», написанной в ссылке в конце 1897 г. и опубликованной легально в 1898 г.⁸⁶ Ленин прямо писал об этом А. Н. Потресову 26 января 1899 г., говоря именно о трудностях рассмотрения вопроса о Чернышевском в печати как по цензурным условиям (запрещавшим упоминать это имя), так и по недостатку источников; а главное, это «могло бы породить недоумение при параллели с современным народничеством»⁸⁷. Ленин был уверен, что большинство поймет его правильно и «наследство» «ученики» будут принимать от Чернышевского, а не от «умеренного консерватора» Скалдина⁸⁸, не порывая «с лучшими традициями лучшей части русского общества», а только очищая «лучшие традиции» «от народничества»⁸⁹, которое «не сумело решить новых, выдвинутых пореформенной историей, вопросов в духе этого наследства и без противоречий ему»⁹⁰.

Давая определение «просветителям», представителям «наследства 60-х годов», Ленин отмечает три характерные для них черты: «одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта „просветителя“. Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта „просветителя“ это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосо-

стояние и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют „наследством 60-х годов“, и важно подчеркнуть, что *ничего народного в этом наследстве нет*⁹¹.

К этой замечательной, ныне ставшей классической, характеристике Ленин и делает знаменитую «сноску», в которой объясняет, почему для примера взят Скалдин, а не представитель «наследства с более типичным тоном»⁹², т. е. не Чернышевский, которого он прежде всего имел в виду и не мог назвать⁹³. В этом и состояла, по Ленину, суть «наследства» и его олицетворение — Чернышевский⁹⁴. Как и сама работа Ленина, так и, в частности, примечания (в конце первого раздела), которые он расшифровал в письме Потресову, являются новым шагом в освещении деятельности Чернышевского как лучшего представителя «просветительства», основателя «наследства 60-х годов». Существенно важна сделанная Лениным в самом начале этой замечательной работы оговорка: «. Мы ограничиваемся исключительно вопросами экономическими и публицистическими, рассматривая из всего „наследства“ только эти вопросы и оставляя в стороне вопросы философские, литературные, эстетические и т. п.»⁹⁵. Отсюда ясно, в частности, почему Ленин не коснулся здесь собственно революционной деятельности «просветителей», хотя третья черта «просветителей», носителей «наследства» (при всей осторожности выражений) открывала дорогу к активной политической деятельности, вела «просветителей» на путь революционной борьбы. Формально Ленин здесь (в легальной работе) этого не говорит, но, по существу, к этому выводу ведет, давая, с его точки зрения, «точное определение того, что я разумею под „наследством“»⁹⁶.

Именно это — ленинское — понимание «наследства 60-х годов» как комплекса общественно-политических идей и программных требований русской революционной демократии, комплекса опыта борьбы с царизмом и либерализмом, принимаемое и развиваемое марксистами в новых исторических условиях России, и становится основополагающим*. Подчеркнем, что это высказано Лениным в легальной работе, требовавшей специальной — подцензурной — терминологии («просветители» вместо революционеры и т. п.). В нелегальной же печати Ленин будет прямо говорить о революцион-

---

* Именно такое толкование принято публикаторами Полного собрания сочинений В. И. Ленина. См.: т. 2, с. 494, 508—528, 530—544, 550; т. 5, с. 29, 32—33, 61; т. 46, с. 18—19, 27; справочный том, ч. 1, с. 511.

ных мыслях и требованиях Чернышевского и его соратников, активных борцов против царизма, готовивших народную революцию в России, выработавших определенную программу демократических преобразований и своеобразную тактику борьбы с либеральными иллюзиями и предательством либералов.

В следующей важной статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (конец 1899 г.), критикуя экономистов, пытавшихся выхолостить революционное содержание борьбы Чернышевского и извратить его отношение к либералам, Ленин решительно вступился за Чернышевского, не позволил им припутывать «к этому имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского»: «Формальных требований правительству никогда не предъявляли русские либералы, и именно поэтому русские либералы никогда не играли и никак не могут теперь играть *самостоятельной* революционной роли... Н. Г. Чернышевский именно потому и высмеивал беспощадно „передовые слои русского общества“, что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства»⁹⁷.

Этот классический вывод Ленина, к сожалению, не увидел света в конце 1899 г., когда была создана его работа⁹⁸; но он показывает, до какой степени глубоко и всесторонне понимал Ленин уже к 1899 г. идейную и руководящую роль Чернышевского не только как «властителя дум», но и как, в сущности, вождя общества, который мог уже со знанием дела указывать ошибки либералов и упрекать их за безучастное отношение к гибели русских революционеров в момент непосредственной схватки. При всей обобщенности этого вывода очевиден огромный фундамент конкретного знания, на котором он сделан. Именно тут же в полемике с экономистами Ленин писал, что «Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике „Социал-демократ“, изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»⁹⁹.

Таким образом, в 1899 г., находясь в глубине Сибири, В. И. Ленин вступился за марксистский анализ творчества и деятельности Чернышевского и его товарищей, предпринятый Плехановым к 1890—1892 гг. В статье «Попятное направление в русской социал-демократии» он подверг поистине сокрушительной критике выступление «экономистов». Обвинив редакцию «Рабочей мысли» в бессмысленном надергивании цитат из Чернышевского, Ленин показал «неуме-

ние» редакции «Рабочей мысли» даже 40-летию со дня смерти Чернышевского «дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон»¹⁰⁰. При этом Ленин решительно выступал против попыток «экономистов» «показать, будто Чернышевский не был утопистом», против попыток смазывания различий между научным социализмом и утопическим социализмом Чернышевского, защищая тем самым позицию Плеханова¹⁰¹. Общий вывод Ленина о четырех статьях Плеханова, посвященных Чернышевскому, таков: Плеханов «вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса»¹⁰².

Позднее, после первой русской революции, Ленин повторно анализировал эту работу Плеханова о Чернышевском (1890—1892 гг.) и сравнивал ее с работой Плеханова, вышедшей в 1909 г. на русском языке, считая второе издание отходом от правильных оценок Чернышевского. Но пока он делал вывод о первой редакции книги Плеханова о Чернышевском¹⁰³. Так высоко оценивал Ленин значение первой марксистской работы Плеханова о Чернышевском.

В 1900 г. Аксельрод также кратко коснулся ведущей роли Чернышевского как ученого, «революционного мыслителя», члена тайного общества «Земля и воля», с которым в 1861 г. вступил в «тесную связь» и П. Л. Лавров, избежавший «трагической судьбы Чернышевского»¹⁰⁴.

Таким образом, в 90-е годы в условиях борьбы марксистов с либеральными народниками и «легальными марксистами» проблема отношения русской социал-демократии к «наследству 60-х годов», к традициям революционного демократизма явилась одной из актуальных. Либеральное народничество, претендовавшее на преемственную связь с «наследством» и извращавшее его, идейно разгромлено марксистами — прежде всего Лениным и Плехановым. Революционные социал-демократы выступили подлинными хранителями «наследства», боролись за развитие традиции политической борьбы с царизмом. Ленин подчеркивал преемственность целей, задач русской социал-демократии от революционной демократии, ставил в пример их беззаветную преданность народу, их героизм и стойкость, их непримиримость к либерализму. На основе теории марксизма социал-демократы продолжили и творчески обогатили применительно к новым историческим условиям пролетарского этапа освободительного движения России лучшие революционно-демократические традиции — особенно в период ленинской «Искры»¹⁰⁵.

Среди членов группы «Освобождение труда» наметилась известная специализация по проблемам истории революционного движения России. Плеханов интересовался Белинским и Чернышевским, их философскими и общественно-политическими взглядами; Засулич более всего — историей общественной мысли, хотя и выступала по общим и частным вопросам революционного движения, литературы, философии и экономики. Плеханов ценил Засулич как автора и отводил ей серьезную роль в разработке этих проблем. Так, сообщая Ленину о статьях для «Искры», он предлагал: «О декабристах должна написать Вера [Ивановна Засулич]. Это ее жанр, и она их любит»¹⁰⁶. Но более точно будет сказать, что и Плеханов, и Засулич были по преимуществу специалистами по истории общественной мысли.

В своей записи «Как чуть не потухла „Искра“?» Ленин характеризовал Засулич как «человека безусловно искреннего и страстно преданного делу»¹⁰⁷; он высоко ценил отдельные ее произведения по литературе и философии, особенно в «искровский» период, когда не только Плеханов, но и сам Ленин редактировал ее статьи.

В период «Искры» и «Зари» в борьбе марксистов с легальным народничеством на очереди дня опять стоял вопрос, сформулированный Лениным еще в работе «От какого наследства мы отказываемся?»; Ленин писал: «Ученики гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники»¹⁰⁸.

В защите идейного наследия революционной демократии 60-х годов от либеральных искажений принимала активное участие вся редакция «Искры», особенно Ленин и Засулич. 20 декабря 1901 г. в «Искре» Засулич (без подписи) поместила замечательную статью «Н. А. Добролюбов», посвященную 40-летию со дня его смерти. Основная цель статьи — не только вспомнить Добролюбова, но и защитить его от нападок реакционной прессы: «Всегда верные себе „Московские ведомости“ пытаются ругаться над его памятью, утверждая, что Добролюбов проповедовал, „что лгать, изменять супружескому, сыновнему, гражданскому долгу можно, что это, во всяком случае, лучше и приятнее, чем умирать за верность этому и всякому другому долгу“, что он „вообще разрешал своим последователям на все и на вся (курсив наш. — Н. Н.)“ А доказательство: он не признавал в мире ничего абсолютного (в бога не веровал) и был „утилитаристом“»¹⁰⁹.

Такой способ «уничтожения революционеров» был в обычае либеральной печати. «Добролюбов был влиятельным и

страстным врагом всего того», чему служили «Московские ведомости»¹¹⁰. Для Засулич Добролюбов дорог прежде всего как демократ, страстно и горячо веривший в силу народного восстания, призывавший его для спасения страны от крепостного права и царизма.

Засулич видит историческую заслугу Добролюбова, ценность его завещания молодежи в том, что составляло «революционные, недоступные легальной прессе мысли Добролюбова, которыми через 10, через 15 лет после своей смерти он неизмеримо сильнее влиял на текущую жизнь, чем живые публицисты 70-х годов, ежемесячно печатавшие свои статьи в журналах. Немного страниц занимают эти мысли в полном собрании сочинений Добролюбова. Но эти немногие страницы объясняют и освещают настоящим светом все остальные произведения Добролюбова»¹¹¹. Действенная идея преемственности революционного дела пронизывает эту замечательную статью. Посвятив часть ее работе Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», Засулич превратила свою статью в боевой призыв. Она уверенно провозглашает, что недалек тот день, которого ждал Добролюбов, что страшно длинная 40-летняя ночь после Добролюбова не вернется: «„Стучи в барабан и не бойся!“ — ночь не может вернуться»¹¹². Она показывает, насколько актуальна добролюбовская жажда действия, которая не проходит, не перестает тревожить, пока не достигнута цель: свобода!¹¹³

Засулич акцентирует внимание на проблеме взаимоотношения революционных демократов и крестьян. «Вера в крестьян обманула Добролюбова... Они ошиблись в надежде разбудить своею проповедью крестьянские массы и погибли, дорого продав свою жизнь»¹¹⁴, — говорит Засулич, забывая даже отметить, что в ту эпоху и не было иной общественной силы, на которую они могли бы опереться в России. Сильной же стороной ее анализа остается вывод: «Восстания ждали в то время не одни друзья народа, его боялись и враги. Мы знаем теперь, что эти надежды и опасения оказались напрасными. Крестьяне терпели и терпели»¹¹⁵. И отсюда — «обращение к революции»: «О, подожди еще, желанная, святая!».

Засулич не смогла сделать вывода о наличии в России эпохи Чернышевского реальной революционной ситуации, без которой немыслима революция. Следовательно, нет смысла упрекать Добролюбова: он жил и боролся с надеждой, которая его никогда не покидала, но именно боролся. И Засулич обрушивается с критикой на странные мнения либералов, которые обвиняют Чернышевского и Добролюбова

бова в наступлении реакции, в «раздражении» ими правительства и т. д., в том, что их «социалистическая пропаганда» породила явления, «которые сдвинули Россию с пути правильного развития и открыли широкие двери реакции»¹¹⁶.

Конец работы Засулич о Добролюбове глубоко оптимистичен: «Но рядом с вторично поднявшимся слоем образованных разночинцев встает теперь нечто, чего не предвидел Добролюбов. В горячей „атмосфере надежд и ожиданий“ вырастает теперь все больший и больший круг рабочей молодежи. Ей не от чего отречься. У нее, как у Инсарова, никогда не было ничего общего с нашими внутренними турками. Рабочие. — просыпающаяся часть того „простоародья“, на инстинктивное восстание которого рассчитывал Добролюбов». Свою статью-прокламацию «Когда же придет настоящий день?» Добролюбов заканчивает страстным призывом к революционному подъему: «Придет же он, наконец, этот день! Канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их!»¹¹⁷

Публикацию Засулич о Добролюбове отличают глубина и точность марксистского анализа, особый динамизм, высочайшая боевая партийность, притягательная эмоциональная сила. По глубине, стилю и настроению она отличается от всего предшествующего и последующего творчества Засулич. Эта статья является ярчайшим и подлинным памятником русской марксистской критики на первом этапе ее развития, и помещение ее в «Искре» придает ей не только научное, но и политическое значение. Отсутствие подписи даже формально придает ей характер общередакционного выступления. На наш взгляд, она несет на себе печать ленинского стиля редактирования. Косвенным подтверждением нашей гипотезы является замечание Ленина о Добролюбове, относящееся к периоду «Зари», а значит и «Искры», так как это были одновременные издания одного и того же коллектива. Высоко оценивая добролюбовский опыт создания литературных обзоров, Ленин говорил: «Из разбора „Обломова“ он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа „Накануне“ — настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать! Когда организовалась „Заря“, я всегда говорил Староверу (Потресову) и Засулич: „Нам нужны литературные обзоры именно такого рода“ Куда там! Добролюбова, которого Энгельс называл социалистическим Лессингом, у нас не было»¹¹⁸.

Вторым отзвуком этих возможных редакционных бесед Добролюбове является краткое упоминание Лениным

Добролюбова в своей статье в «Искре» того же 20 декабря 1901 г. «Начало демонстраций»: 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и „посторонних лиц“ (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против „внутренних турок“ — против самодержавного правительства. Исполнительный комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста»¹¹⁹ Перед нами — живой пример органического использования Лениным традиции 60-х годов в области политической борьбы с царизмом, преемственности революционных поколений, подтверждения актуальности их идей и опыта борьбы и прямая перекличка с опубликованной здесь же статьей Засулич о Добролюбове и с самим Добролюбовым, из «революционного завещания» которого (так Засулич назвала позже эту статью) Ленин использовал его выражение «внутренние турки» (как уже отмечалось в литературе)¹²⁰ и знаменитое добролюбовское «освистан» «представитель власти» (заметим мы).

Наиболее ценной для определения состава «наследства 60-х годов», для выявления роли Чернышевского и его соратников в революционном движении является работа Ленина «Гонители земства и Антибалы либерализма», написанная в апреле—июне 1901 г. уже в эмиграции и опубликованная в декабре 1901 г. в журнале «Заря» (№ 2—3). Главное состоит в том, что Чернышевский как олицетворение «наследства» рассмотрен здесь Лениным в живом процессе революционной борьбы, с раскрытием таких его акций, о которых прежде не говорилось.

Ленин поистине воссоздал, впервые так подробно и реалистично, ту волну «общественного возбуждения и революционного натиска», которая «отбила у самодержавного правительства ряд реформ, в том числе и земскую»¹²¹. Весь центр внимания Ленина в силу характера этой полемической работы теперь перенесен на программно-тактическую платформу, на практически революционную деятельность Чернышевского и его соратников. Прежде всего Ленину отне-

Чернышевского на общественное движение эпохи. Могучая проповедь Чернышевского, «мешшего подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров. появления прокламаций» названы Лениным в числе таких крупнейших конкретных проявлений революционной ситуации, как «распространение по всей России „Колокола“», «возбуждение крестьян», «студенческие беспорядки», «польское брожение» и другие, которые свидетельствовали о возможности «революционного взрыва» и «крестьянского восстания». В этом перечне важнейших признаков возможного «революционного взрыва» персонально назван только Чернышевский, выдвинутый тем самым как идеолог и вождь поднимающихся под влиянием его «могучей проповеди» общественных сил и воспитанных им «настоящих революционеров». Даже Герцен — один из редакторов и издателей «Колокола» — не назван здесь Лениным персонально¹²².

Ленин называет Чернышевского непосредственно рядом с Герценом и Унковским в связи с конкретными требованиями этих деятелей как руководителей определенных сил. Возражая «Р. Н. С.» — П. Б. Струве — по вопросу о том, кем были «задуманы» «великие реформы», Ленин писал о Герцене, Чернышевском, Унковском и их соратниках: «Но эти люди требовали несравненно большего, чем то, что осуществили „реформы“, и за свои требования они подвергались преследованиям со стороны правительства, проводившего „великие“ реформы. — Правительством и теми, кто, слепо славословя, шел за ним, огрызаясь на „задир“ Но правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы уступить как можно меньше, чтобы обкарнать демократические требования и обкарнать именно „для вящего торжества бюрократии“ Г-н Р. Н. С. прекрасно знает все эти исторические факты и затушевывает их только потому, что они всецело опровергают его благодушную теорию о возможном „смирении“ самодержца»¹²³.

В этих чеканных ленинских формулировках о единых, в сущности, демократических требованиях Герцена, Чернышевского, Унковского и тех, кто шел с ними, с этими «задирами», действительно отражено превосходное знание Лениным исторических фактов бурного «общественного возбуждения и революционного натиска», который всячески затушевывали старые и новые либералы и бюрократы. Именно в этом он видел основу платформы «наследства 60-х годов». Дополняя и исправляя либерально-бюрократическое описание эпохи «великих» реформ и «революционного натиска», Ленин довольно подробно характеризовал и требования по-

литических реформ «всей печатью и всем дворянством» «конституционное движение» среди «разночинцев» с «тайными обществами и прокламациями: „Великорусс“ „Земская дума“ „Земля и воля“», даже цитировал проект адреса к царю, «пущенный» при «Великоруссе», упоминал прокламацию «Молодая Россия».

Конкретизируя таким образом реальное содержание «наследства», его политическую программу требований, Ленин вспоминал «многочисленные аресты и драконовские наказания „политических“ преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся незаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского»¹²⁴, характеризовал реальный «натиск» революционной «партии» на правительство, которое, в свою очередь, «защищалось» драконовскими мерами репрессии, «венцом» которых был арест Чернышевского. Ленин решительно отметал возможные сомнения оппонентов в наличии действовавшей революционной «партии» в начале 60-х годов, понимая, как повысилась наша «требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском»¹²⁵

И это акцентирование внимания на организационном моменте работы предшественников, на наш взгляд, тоже связано с реальными традициями «наследства». С ними же связан буквально уничтожающий критический натиск, с которым Ленин обрушивается на либералов начала 60-х годов, прежде всего на А. И. Кошелева и К. Д. Кавелина, предавших интересы народа, демократии и безучастно смотревших на гибель революционеров, помогавших правительству подавлять революционное движение. То, мимо чего прошел Плеханов, стало объектом анализа Ленина. Ленин почти полностью процитировал «частное» письмо К. Д. Кавелина Герцену от 6 августа 1862 г. с известием о многочисленных арестах, в том числе Н. А. Серно-Соловьевича и Чернышевского как главы «революционной партии»¹²⁶. У Ленина не возникало сомнений в причастности Чернышевского к подпольной деятельности, к созданию и организации издания и распространения прокламаций, в его руководящей роли в «натиске» «революционной партии» на правительство в начале 60-х годов.

Завершением и конкретизацией вывода о соотношении революционных и либеральных сил в начале 60-х годов, очевидно, являются слова о трусливом и неразумном поведении либералов по отношению к революционному движению начала 60-х годов: «Вместо того, чтобы поддерживать „согласие мещан и крестьян с приверженцами *Великорусса*“, они

боялись этого „согласия“ и стращали им правительство. Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковежательного красноречия и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и бороться за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснить либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты „с разрешения начальства“ Пока серьезно грозило „согласие мещан и крестьян“ с революционерами, само министерство внутренних дел бормотало о „школе представительных учреждений“, а когда „бестактные и самоуверенные“ свистуны и „задиры“ были удалены, — „школяров“ без церемонии взяли в ежовые рукавицы»¹²⁷

Хотя прямо по фамилии Чернышевский здесь не назван, весь предшествующий контекст позволяет расшифровать этот обобщенный и в образной форме выраженный вывод Ленина как прямо относящийся к Чернышевскому¹²⁸ как руководителю революционной «партии», редактору и автору газеты «Великорусс» вождю «приверженцев» «Великорусса», которые умели «бороться за свободу»¹²⁹ Ни Плеханов, ни его группа не дали столь глубокого анализа программно-тактического опыта попыток совместных действий с либералами основателей «наследства 60-х годов». Все это было нужно Ленину не просто научно-историографически, научно-практически, в интересах создания программы и выработки обоснованной тактики.

Свою боевую, написанную вслед за «Гопителами» книгу Ленин не случайно назвал «Что делать?» — в память о том завещании революционерам, которое оставил Чернышевский в своем «Что делать?», давшем Ленину «заряд на всю жизнь»¹³⁰. Именно этот главный вопрос по традиции — от «наследства» — стоял перед Лениным, решавшим его на основе мобилизации всех научных знаний о новой эпохе и опыта «наследства 60-х годов».

Сравнительный анализ отношения к «наследству 60-х годов» группы «Освобождение труда» в 1883—1894 гг. и в период активного общения с В. И. Лениным — 1895—1900 гг., особенно в период «Искры» и «Зари», со всей очевидностью убеждает, что это одна из тех проблем, по которой у них было почти полное единство взглядов и совместная борьба с противниками за сохранение и развитие «наследства 60-х годов». С разным теоретическим уровнем и

различной осведомленностью подошли они к этой проблеме. Но сообща координируя свои усилия, они внесли решающий вклад в сохранение, защиту и развитие «наследства 60-х годов», в борьбу с либеральным народничеством, легальным марксизмом, экономизмом и реакционной идеологией по этим проблемам преемственности традиций.

Уже в период «Искры» и «Зари» вскрылось различное понимание роли либерализма в общественном движении 60-х годов и его места в современной политической борьбе. Наиболее ярко конфронтация по этим вопросам проявилась в момент прохождения в редакции «Зари» работы Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (весна—лето 1901 г.). Исторический вопрос, по которому мнения членов редакции разошлись, был вопрос об отношении революционеров 60-х годов к либералам, непримиримость их к либералам, а главное — непримиримость Ленина к современным либералам. Ленин постарался учесть все пожелания членов группы «Освобождение труда», особенно по смягчению тона. Но по существу он остался на своих позициях¹³. В сущности, с этой полемики в редакции «Искры» и «Зари» начались те расхождения, которые, углубляясь и расширяясь, привели в 1903 г. к переходу членов группы «Освобождение труда» на позиции меньшевизма. Тем не менее первый период совместной работы группы «Освобождение труда» и Ленина значительно обогатил марксистское понимание «наследства 60-х годов» и помог нанести идейный разгром реакционерам, либеральным народникам, легальным марксистам и экономистам.

Никто из представителей группы «Освобождение труда» не дал к началу XX в. такой глубокой марксистской интерпретации революционного подвига «отцов», чье наследие принимали и развивали «ученики» — русские марксисты, как В. И. Ленин. Здесь не было ничего чисто книжного, отвлеченного: весь опыт борьбы революционеров 60-х годов во главе с Чернышевским был поставлен Лениным на службу решения самых наболевших вопросов революционного движения России. Это был тот богатый фонд «наследства 60-х годов», который Ленин мобилизовал как раз накануне создания «Что делать?» и Программы РСДРП. Вместе с тем объективно вся эта идейно-политическая борьба по защите «наследства 60-х годов» стала началом формирования ленинской концепции «эпохи Чернышевского», эпохи «первого демократического подъема».

После революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин переиздал работу «Гонители земства и Аннибалы либерализма», а за-

тем вышли в свет работы Г. В. Плеханова и Ю. М. Стеклова (1909 г.) о Чернышевском, привлечшие некоторые новые материалы и подтверждавшие прежние выводы Ленина. Ленин собирался, видимо, отвечать на эти работы и частично решил эту задачу в серии статей о реформе 1861 г. и в статье «Памяти Герцена». Там он развил и конкретизировал ту концепцию 60-х годов, которая была дана в работе «Гонители земства» в начавшейся уже полемике с членами группы «Освобождение труда».

Ленин в 1909—1911 гг. с полным основанием мог писать об отступлении Плеханова от правильных оценок вождя «60-ков» Чернышевского — о сосредоточении своего внимания почти исключительно на теоретической деятельности Чернышевского¹³² (в чем он видел «недостаток книги Плеханова») и о том, что «из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»¹³³. Ленин обогатил и уточнил марксистское понимание наследства 60-х годов, данное в работах членов группы «Освобождение труда», и поставил его непосредственно на службу марксистской партии и ее борьбе за победу диктатуры пролетариата.

Глубоко прав С. В. Тютюкин, что политический диалог Ленина и Плеханова отражал в конечном счете качественные различия между эпохами домонополистического и монополистического капитализма, между эпохой сравнительно мирного развития капитализма и эпохой социальных бурь и потрясений, которую принес с собой период империализма¹³⁴.

Вместе с тем совместная работа группы «Освобождение труда» и В. И. Ленина по этим проблемам в «Искре» и «Заре» останется немеркнувшей страницей их общности, единства мыслей и дела по проблемам защиты, хранения славного «наследства 60-х годов», и — главное — развития их героических традиций, этой преемственности революционных поколений накануне создания РСДРП, накануне первой русской революции, которую так ждали революционеры «эпохи Чернышевского». Именно поэтому Ленин перечитывал произведения Плеханова и говорил, что прогрессивная «великорусская культура» характеризуется именами Чернышевского и Плеханова¹³⁵.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, 176; См.: Федоров А. Ф. К вопросу о предшественниках русской социал-демократии. — Вопросы истории КПСС, 1963, № 4, с. 61.

- ² Литература по теме обширна и не может быть приведена в рамках статьи, кроме крайне важных наблюдений по ходу изложения. Отметим лишь новейшие работы: *Курбагова И. П.* Начало распространения марксизма в России: Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда». М., 1983; *Она же.* В. И. Засулич и ее роль в распространении идей марксизма в России. — В кн.: Засулич В. И. Избранные произведения. М., 1983; *Филиппов Ю. П., Иовчук М. Т., Бессонов Б. П.* Фальсификация истории и теории марксизма-ленинизма на службе контрреволюции. — *Вопр. философии*, 1983, № 1, с. 118—130; *Филиппов Р. В.* Группа «Освобождение труда» в ленинской концепции истории создания партии. — *Вопросы истории КПСС*, 1983, № 4; *Волк С. С.* Создание группы «Освобождение труда» и начальный этап поворота революционной мысли к марксизму. — *История СССР*, 1983, № 6; *Ольховский Е. Р.* Исторические взгляды В. И. Засулич. — *История СССР*, 1983, № 6; *Вандалковская М. Г.* История изучения русского революционного движения середины XIX в. 1890—1917. М., 1982; и др.
- ³ *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения: В 10-ти т. М., 1963, т. 11 (доп.), с. 639.
- ⁴ *Плеханов Г. В.* Соч.: В 24-х т. М., 1925, т. 1, с. 10.
- ⁵ *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произведения: В 5-ти т. М., 1958, т. с. 160.
Плеханова Р. М. Моя жизнь. — ОР и РК ГПБ им. Салтыкова-Щедрина, Архив Дома Плеханова, ф. 1094, № 7, л. 43—44 (машинописанный экземпляр).
- ⁷ Там же, л. 66.
- ⁸ Там же, л. 141, 146.
- ⁹ Листовка о демонстрации 6 декабря 1876 г. (К биографии Г. В. Плеханова). — В кн.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, т. 2, с. 319—320.
- ¹⁰ Там же, с. 320.
Засулич В. И. Воспоминания. М., 1931, 18.
- ¹² Там же, с. 59.
- ¹³ Там же, с. 20.
- ¹¹ Там же, с. 19.
- ¹⁵ *Ковзатов Р. А.* В. И. Засулич: (К истории русской критики). — В кн.: Засулич В. И. Статьи о русской литературе. М., 1960, с. 4.
- ¹⁶ В. И. Засулич — К. Марксу, от 16 февр. 1881 г. — В кн.: Группа «Освобождение труда»: (Из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча) / Под ред. Л. Г. Дейча. М., 1924, сб. № 2, с. 220—222.
- ¹⁷ П. Б. Аксельрод — В. И. Засулич, февр. 1888. — В кн.: Литературное наследие Г. В. Плеханова / Под ред. А. В. Луначарского, Ф. Д. Кретова, Р. М. Плехановой. М., 1934, сб. 1, с. 236.
- ¹⁸ *Аксельрод П. Б.* Политическое пробуждение русских рабочих и их первомайский праздник 1891 года. — В кн.: Аксельрод П. Б. Рабочий класс и революционное движение России. СПб., 1907, с. 28—29.
Дейч Л. Г. Черный передел. — В кн.: Историко-революционный сборник. Л., 1924, т. 2, с. 299.
- ²⁰ *Дейч Л. Г.* Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920, с. 3, 17, 18 и др.; *Она же.* Первые шаги группы «Освобождение труда». В кн.: Группа «Освобождение труда». М. 1924, сб. № 1, с. 11, 14.

- ²² *Новикова Н. Н.* В. И. Ленин о роли Н. Г. Чернышевского как главы революционеров 1861 г. — В кн.: Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. М., 1981, с. 231—232.
- ²³ *Плеханов Г. В.* Прокламации (1877—1879): К русскому обществу. — В кн.: Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, с. 383.
- ²⁴ *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России 1883—1894 гг. М., 1959, с. 14, 31—32, 40, 59—61 и др.; Карл Маркс: Биография / Коллектив авторов под рук. П. Н. Федосеева. М., 1968, с. 633, 661, 677—683, 692—693.
- ²⁵ *Конюшая Р. П.* Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975, с. 173—174, 176, 181, 186—197, 216—223, 235, 239—261 и др.
- ²⁶ *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России..., с. 230, 520; *Иовчук М. Т., Курбатова И. Н.* Г. В. Плеханов. М., 1977, с. 116, 119—120, и др.
- ²⁷ Три письма Г. В. Плеханова к С. Кравчинскому (Степняку). В кн.: Группа «Освобождение труда», сб. № 1, с. 145.
- ²⁸ Литературное наследство. М., 1933, т. 7/8, с. 97; См.: *Друговская А. Ю.* Роль искровой печати в борьбе за идейное «наследство» предшественников Российской социал-демократии (1900—1903 гг.): Дис. канд. ист. наук. М., 1976, с. 31—32.
- ^{28а} Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову. Сообщение Л. Г. Дейча. — Дела и дни, 1924, кн. 2, с. 86.
- ²⁹ *Чагин Б. А., Курбатова И. Н.* Г. В. Плеханов. М., 1973, с. 11.
- ³⁰ Социал-демократ, Женева, 1890—1892, сб. № 1—4. В 1894 г. они были изданы отдельной книгой в издательстве И.-Г. Дитца (на нем. яз.). См.: *Плеханов Г. В.* Литература и эстетика. М., 1958, т. 1, с. 426; т. 2, с. 179.
- ³¹ *Плеханов Г. В.* Соч. т. 6, 341.
- ³² Там же, т. 5, с. 84.
- ³³ *Чагин Б. А., Курбатова И. Н.* Г. В. Плеханов, 198.
- ³⁴ Там же, с. 197.
- ³⁵ Там же. См. также: *Сидоров М. И.* Г. В. Плеханов и вопросы истории русской революционно-демократической мысли XIX в. М., 1957, с. 10, 17—78 и др.
- ³⁶ *Плеханов Г. В.* Соч., т. 5, 73.
- ³⁷ Там же, т. 5, с. 73.
- ³⁸ Там же; ср.: *Друговская А. Ю.* Роль искровой печати. с. 31—32.
- ³⁹ *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. 230—231.
- ⁴⁰ Ф. Энгельс — Г. В. Плеханову, от 21 мая 1894 г. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 39, с. 210; ср.: Переписка Г. В. Плеханова с Ф. Энгельсом. — В кн.: Группа «Освобождение труда», сб. № 2, с. 323.
- Плеханова Р. М.* Моя жизнь. — Архив Дома Плеханова, л. 367; Группа «Освобождение труда». М.; Л., 1926, сб. 5, с. 206—207.
- ⁴² См.: *Муравьева Л. Л., Сиволоп-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене: Памятные места. М., 1976, с. 92—94; *Новикова Н. Н.* В. И. Ленин о роли Н. Г. Чернышевского как главы революционеров 1861 г. — В кн.: Новикова Н. Н., Клосс Б. М. Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 г. с. 225—226.
- ⁴³ *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России..., с. 252—253.
- ⁴⁴ В. И. Засулич — Л. Г. Дейчу, июнь 1890 г. (Речь идет еще о журнальной публикации на немецком языке). — В кн.: Философско-

- литературное наследие Г. В. Плеханова: В М., 1973, т. 2, с. 321.
- Дейч *Л. Г.* Письма В. И. Засулич и остальным членам группы «Освобождение труда» Письмо 14 от 22 июня 1891 г. — В кн.: Группа «Освобождение труда», сб. № 2, с. 281, 259—260, 257.
- ⁴⁶ Аксельрод *П. В.* Рабочий класс и революционное движение в России. СПб., 1907, с. 28—29, 62.
- ⁴⁷ М. М. Ковалевский о книге Бельтова. Сообщ. Б. Н-го (Николаевского). — В кн.: Летопись марксизма. М.; Л., 1928, кн. 5 с. 56.
- ⁴⁸ Плеханова *Р. М.* Моя жизнь..., л. 405.
- ⁴⁹ Там же, л. 398, 403, 405, 407, 409 (ср.: Переписка Г. В. Плеханова и П. В. Аксельрода, т. 1, с. 94 — письмо Плеханова от 23 января 1894 г. и др.).
- ⁵⁰ Запись В. В. Воровского о беседе с В. И. Лениным в январе 1904 г. (в передаче Н. В. Валентинова). — Вопр. литературы, 1957, № 8, с. 133; В. И. Ленин о литературе и искусстве. 6-е изд. М., 1979, с. 648—649.
- ⁵¹ Ленин *В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 271.
- ⁵² Там же, с. 273—274.
- ⁵³ Там же, с. 280; Нечкина *М. В.* Предисловие. — В кн.: Эпоха Чернышевского: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1978, с. 3.
- ⁵⁴ Ленин *В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 290, 292, 590.
- ⁵⁵ См.: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 11, с. 3—17, 18—20; Конюшая *Р. П.* Том XII «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса». — Коммунист, 1952, № 20; Она же. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1975, с. 96—97, 188—195 и сл.
- ⁵⁶ Ленин *В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 289—290.
- ⁵⁷ Там же, с. 291.
- ⁵⁸ Там же, с. 292.
- ⁵⁹ См.: Там же.
- ⁶⁰ Ленин *В. И.* Биографическая хроника, 1870—1924. М., 1970, т. 1. 1870—1905, с. 105.
- ⁶¹ Плеханова *Р. М.* Моя жизнь..., л. 409.
- ⁶² Засулич *В. И.* Наши современные литературные противоречия. — В кн.: Засулич В. И. Статьи о русской литературе. М., 1960, с. 59.
- ⁶³ Там же, с. 57.
- ⁶⁴ Ковнатор *Р. А.* В. И. Засулич: (К истории русской критики). — Там же, с. 19—20.
- ⁶⁵ Засулич *В. И.* Крепостная подкладка «прогрессивных» речей. — Там же, с. 137.
- ⁶⁶ Евгеньев-Максимов *В.* Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века. М., 1927, с. 233.
- ⁶⁷ Иванов *В.* (Засулич). Плохая выдумка: (По поводу романа г. Боборыкина «По-другому»). — В кн.: Засулич В. И. Статьи о русской литературе, с. 162—184.
- ⁶⁸ См.: Ковнатор *Р. А.* В. И. Засулич..., с. 29.
- ⁶⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова. М., 1937, сб. 4, с. 228—229.
- ⁷⁰ Ленин *В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 507—508.
- ⁷¹ Там же, т. 2, с. 537.
- ⁷² Карелин *Н.* (Засулич В. И.), Д. И. Писарев. — Научное обозрение, 1900, № 3, 4, 6, 7.
- ⁷³ Ленин *В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 183, 496.
- ⁷⁴ Ковнатор *Р. А.* В. И. Засулич..., с. 31 (со ссылкой на «Литературное наследство», т. 25—26, с. 403).
- ⁷⁵ См.: Там же, с. 22.

- ⁷⁶ Там же.
Там же, с. 23.
- ⁷⁸ См.: *Чагин В. А.* Г. В. Плеханов как историк философии и общественной мысли. — В кн.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова: В 3-х т. М., 1974, т. 3, с. 16.
- ⁷⁹ *Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли: Вторая половина XIX—начало XX в. Л., 1974, с. 39; *Друговская А. Ю.* Роль искровской печати..., с. 35—36; *Власова И. Н.* Роль преемственности и революционных связей в создании и становлении Казанской социал-демократической организации (1883—1903): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978, с. 91—92; *Вандалковская М. Г.* История изучения русского революционного движения середины XIX в., 1890—1917. М., 1982, с. 24—25.
- ⁸⁰ *Плеханов Г. В.* Соч., т. 23, с. 166—167.
- ⁸¹ Там же, с. 301.
- ⁸² Там же, с. 445.
- ⁸³ *Плеханов Г. В.* Избр. филос. произведения, т. 4, с. 733; *Друговская А. Ю.* Роль искровской печати..., с. 35.
- ⁸⁴ См.: Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 6, с. 45; *Плеханов Г. В.* Соч., т. 5, с. 260—261; т. 23, с. 452.
- ⁸⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 494, 471, 602.
- ⁸⁶ *Ильин Владимир.* Экономические этюды и статьи. СПб., 1898; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 520.
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 18—19; т. 2, с. 520; В. И. Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 201.
- ⁸⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 18—22.
- ⁸⁹ Там же, т. 2, с. 550.
- ⁹⁰ Там же, с. 544—545.
- ⁹¹ Там же, с. 519.
- ⁹² Там же, с. 520.
- ⁹³ См.: Там же, т. 46, с. 18—19.
- ⁹⁴ См. также: *Вандалковская М. Г.* К истории создания и изучения статьи В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» — История СССР, 1979, № 2, с. 119—136; *Она же.* История изучения русского революционного движения..., с. 22—29.
- ⁹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 2, с. 508.
- ⁹⁶ Там же, т. 46, с. 19.
- ⁹⁷ Там же, т. 4, с. 258—259.
- ⁹⁸ См.: Там же, с. 273 (рукопись впервые напечатана в 1924 г.).
- ⁹⁹ Там же, с. 259.
- ¹⁰⁰ Там же, с. 259, 264—265.
- ¹⁰¹ См.: Там же, с. 258—259; см.: *Друговская А. Ю.* Роль искровской печати..., с. 31—32.
- ¹⁰² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 259.
- ¹⁰³ Там же, с. 477.
- ¹⁰⁴ *Аксельрод П. Б.* Петр Лавров (1900). — В кн.: Аксельрод П. Б. Рабочий класс и революционное движение в России. СПб. 1907, с. 111—112.
- ¹⁰⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 176; т. 2, с. 469; см.: *Друговская А. Ю.* Роль искровской печати..., с. 41, 42.
- ¹⁰⁶ Г. В. Плеханов — В. И. Ленину, 12 ноября 1900 г. — Ленинский сборник, т. 3, с. 99; См.: *Ковнатор Р. А.* В. И. Засулич..., с. 19.
- ¹⁰⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. т. 4, с. 347.
- ¹⁰⁸ Там же, т. 2, с. 542.
- ¹⁰⁹ *Засулич В. И.* Н. А. Добролюбов. — В кн.: Засулич В. И. Статьи о русской литературе. М., 1960, с. 260—26

- 110 Там же, 261.
- 111 Там же.
- 112 Там же, 268.
- 113 Там же.
- 114 Там же, 266, 267.
- Там же, 266.
- 116 Там же.
- 117 Там же, с. 269.
- 118 В. И. Ленин о литературе и искусстве. 6-е изд. М., 1979, с. 648; ср.: *Вопр. литературы*, 1957, № 8, с. 134.
- 119 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.
- 120 *Жданов В. В.* Николай Александрович Добролюбов. — В кн.: Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9-ти т. М.; Л., 1961, т. 4, с. L—LV.
- 121 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 33, 28—30.
- 122 Там же, с. 29—30.
- 123 Там же, с. 61—62.
- 124 Там же, т. 5, с. 27—29, 31—32.
- 125 Там же, с. 28—29, 32—33.
- 126 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., 32—33.
- 127 Там же, с. 36.
- 128 См.: *Новикова Н. Н.* «Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—1861 гг.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1951, с. 3—5, 17—18; *Она же.* Революционеры 1861 года, с. 7—9, 257—258, 323, 324—325, 329, и др.
- 129 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 36.
- 130 В. И. Ленин. Биографическая хроника, 523; *Вопр. литературы*, 1957, № 8, с. 132.
- Ленинский сборник, т. 3, с. 193—194; Комментарии И. И. Товстухи не касаются наших проблем, как и статья С. И. Аввакумова «Борьба В. И. Ленина внутри редакции „Искры“ по вопросу об отношении к либералам». — *Красная летопись*, 1933, № 3/4, с. 67—88; № 5/6, с. 137—164; *Миронова И. А., Юхт А. И.* К истории работы В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». — В кн.: *История и историки. Историографический ежегодник 1970.* М., 1972, с. 126—163.
- 132 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 550, 669—674.
- 133 Там же, с. 560.
- Подробнее см.: *Тютюкин С. В.* Первая российская революция и Г. В. Плеханов: Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905—1907 гг. М., 1981, с. 10 и др.; *Он же.* Группа «Освобождение труда» и современная буржуазная историография. — *Вопр. истории*, 1983, № 12, с. 32.
- См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 129; *Чагин Б. А., Курбатова И. Н.* Г. В. Плеханов, с. 112.

Содержание

Предисловие

3

П. Г. РЫНДЗЮНСКИЙ

Социально-экономические предпосылки
распространения марксизма в России
к началу 80-х годов XIX в.

11

Н. Н. НОВИКОВА

В. И. Ленин и группа «Освобождение труда»
(отношение к «наследству 60-х годов»)

42

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

Г. В. Плеханов и «Народная воля».
(К проблеме кризиса народнического мировоззрения)

77

В. С. ИТЕНБЕРГ

Группа «Освобождение труда» и П. Л. Лавров

109

Г. И. ЩЕТИНИНА

Усвоение марксизма студентами-революционерами
(1883—1886 гг.)

137

Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

Отношение членов группы «Освобождение труда»
буржуазному либерализму

167

В. Я. ГРОСУЛ

Международные связи группы «Освобождение труда»
(80-е годы XIX в.)

196

С. В. ТЮТЮКИН

Группа «Освобождение труда»
в освещении современной англо-американской
и западногерманской историографии

224

Приложения

255

Указатель имен

263

Содержание

Предисловие

3

П. Г. РЫНДЗИОНСКИЙ

Социально-экономические предпосылки
распространения марксизма в России
к началу 80-х годов XIX в.

11

Н. Н. НОВИКОВА

В. И. Ленин и группа «Освобождение труда»
(отношение к «наследству 60-х годов»)

42

В. А. ТВАРДОВСКАЯ

Г. В. Плеханов и «Народная воля».
(К проблеме кризиса народнического мировоззрения)

77

Б. С. ИТЕНБЕРГ

Группа «Освобождение труда» и П. Л. Лавров

109

Г. И. ЩЕТИНИНА

Усвоение марксизма студентами-революционерами
(1883—1886 гг.)

137

В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ

Отношение членов группы «Освобождение труда»
к буржуазному либерализму

167

В. Я. ГРОСУЛ

Международные связи группы «Освобождение труда»
(80-е годы XIX в.)

196

С. В. ТЮТЮКИН

Группа «Освобождение труда»
в освещении современной англо-американской
и западногерманской историографии

224

Приложения

255

Указатель имен

263